

*Моим бабушкам и дедушкам:
Альберту и Элеанор, Деслан и Джеймсу.
Мне потребовалось слишком много времени,
чтобы это закончить.
Простите, что опоздал.*

Благодарности

При слове «автор» в уме возникает образ сурового отшельника. Кто-то, возможно, представит себе дряхлого, почти слепого Мильтона, сторбившегося над письменным столом при свете свечи. И хотя отшельничество — главная составляющая этой профессии, не стоит считать писателя совершенно одиноким человеком. Вот почему я с готовностью выделяю место, чтобы поблагодарить всех, кто помог мне довести этот труд до конца.

Было бы ошибкой не начать список с имен моих родителей — Пола и Пенни. Хотя я порой недостаточно ценил их помощь, они продолжали поддерживать меня, не обращая внимания на мой неблагодарный характер. Я действительно счастлив, что у меня такие родители, но и немного смущен. Отдельного упоминания заслуживают мои братья. Мы с Мэтью и Эндрю не всегда ладили, однако теперь подружились, и это невыразимо радует меня в последние годы. Если бы я начал перечислять всех родственников, которым должен выразить признательность, то мне пришлось бы опубликовать наше генеалогическое древо, поэтому здесь будет только короткий список. Спасибо дяде Джону, научившему меня разбираться в контрактах; Брайану, прочитавшему эту книгу раньше всех в семье; дяде Питу, снисходительно относившемуся к моим расспросам об искусстве и показавшему мне, что творческий человек может быть успешным; моей бабушке по материнской линии Деслан, купившей для меня книгу «Властелин Колец», которая вместе со «Звёздными Войнами» пробудила во мне желание рассказать эту историю. И всем остальным — за то, что они лучшая семья на свете, намного лучше, чем я на самом деле заслуживаю.

Было бы несправедливо, поблагодарив родных, ничего не сказать о моих друзьях — второй семье, которую я для себя выбрал, или же они выбрали меня (по не вполне понятным причинам). Как и с родственниками, мне повезло с ними больше, чем я заслуживаю. Спасибо Эрин Д., моему самому давнему другу и самому строгому критику; Мареку, истинному д'Артаньяну; Энтони, Джордану и Джо — всем троим братьям; Виктории, капитану бета-ридеров; спасибо Дженне за помощь и тяжелую работу на моем веб-сайте (и за многое-многое другое); Эрин Х. и Джексону; а еще Мэдисон и Кайлу за многолетнюю дружбу и поддержку. И Кристоферу-

Маркусу, — от которого Тор Гибсон получил свое имя, — возможно, больше всего прочего за бесконечные обсуждения и разъяснения. Агете, друзья мои.

Отдельное спасибо моим учителям: Энн Суинни, Дайан Бакли, Крису Саттону и Никки Райту, поощрявшим мое увлечение литературой. Прицилле Чеппел, четыре года терпевшей меня в средней школе, когда я был особенно невыносим; доктору Джо Хоффману, привнесшему в историю ясность и взаимосвязи, о которых я даже представления не имел; и Крейгу Гохину, показавшему мне, что научная фантастика и фэнтези — это не только Герберт и Толкин. Доктору Марвину Ханту, Кэт Уоррен и Этте Баркстейл за то, что превратили колледж в место, достойное затраченных на него денег и времени. Особую благодарность нужно выразить Сэму Уиллеру, с чьей помощью я сумел представить, как именно человек может съесть солнце, а также разобрался с другими проблемами физики, значительно превосходящими способности обычного английского студента; и доктору Джону Кесселу, моему наставнику, за ответы на мои полные вопросов письма и совет отказаться от этого дурацкого рамочного повествования.

Я не могу не поблагодарить всех, кто участвовал в издании книги. Прежде всего, Бетси Уоллхейм и Шейлу Гилберт из DAW и, конечно, членов этой команды, в особенности моего редактора Кэти за ее интуицию и терпение при работе со мной. Спасибо Саре, моему первому редактору, а также Джиллиан Редферн и всем остальным из «Gollancz». Моим агентам Шоне Маккарти, Дэнни Бэрору и Хизер Бэрор-Шапиро за их потрясающую поддержку. Я и мечтать не мог о лучших агентах, честное слово. И наконец, спасибо Тони Вайскопфу и всем моим коллегам по «Ваен» — и не только за то, что приняли меня на работу.

Спасибо вам.

Գրեւ յա թիճի յ' Կ.ՅԼ.ԵԻ.ՆԵՔԵԿ,
 ԴՅԿՆԻ ԴԿԼԵ,
 ՅԼ ԺՅ ՆԻԿԻ ԷՄԻԷՒ ԵՃ ՆԸ ԾԵԼԵԻ:
 ԵՄԵՐՈՅ ՆԺ ՆԸ ԾԻՅԻ.ՆԻԳԼՅ ԵՒ
 ԵՔ ՔՍԼՅ յ' ԴՄ ԵԼԳԵՔ ՆԻ ԿԼԵԾ:

ХРОНИКИ ПОЖИРАТЕЛЯ СОЛНЦА АДРИАНА МАРЛО,
 ПОВЕСТВУЮЩИЕ О ВОЙНЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ
 И СЬЕЛЬСИНАМИ.

ПЕРЕВЕДЕНЫ НА КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ
 ТОРОМ ПАУЛОСОМ ИЗ НОВ-БЕЛГАЭРА НА КОЛХИДЕ.

Глава 1

АДРИАН

Свет.

Свет этого убитого солнца все еще обжигает меня. Я чувствую сквозь сжатые веки, как он сияет из прошлого, озаряя тот проклятый день всполохами неопишуемого пожара. В нем есть что-то священное, словно это свет обители самого Бога, свет, испепеляющий миры, а заодно с ними и миллиарды жизней. Он всегда остается со мной, опалая задворки моей памяти. Я не собираюсь ничего отрицать, оправдываться или извиняться за то, что сделал. Мне ли не знать, кто я такой.

Допустим, схоласты начали бы с самых истоков, с наших отдаленных предков — пилигримов, проторивших на слабых суденышках путь из системы Старой Земли к новым живым мирам. Но нет. Потребовалось бы больше бумаги и чернил, чем хозяева передали в мое распоряжение, да и не хватило бы даже моих, не сравнимых ни с чьими другими, запасов времени.

Тогда, наверное, мне следовало бы рассказать о войне? Начать с того, как из глубин космоса прорвались похожие на ледяные замки корабли расы сьельсинов? Но вы и сами можете найти военные хроники и ознакомиться с отчетами о потерях. Статистика. Документы совсем не помогут понять, какую цену мы заплатили. Разрушенные города, сожженные планеты. Бессчетное количество людей, вывезенных из родных миров, чтобы стать пищей и рабами этих бледных монстров. Целые роды, более древние, чем сама Империя, погибли в свете и пламени. Свидетельств этому нет числа, но их все равно недостаточно. Империя же изложила официальную версию, которая заканчивается моей казнью: Адриан Марло был повешен на глазах у всех миров.

Не сомневаюсь, что эта книга будет пылиться в архиве, где я ее оставляю, — одна из сотен миллионов на Колхиде. Забытая всеми.

Возможно, оно и к лучшему. У нас и так с избытком тиранов, с избытком убийств и геноцида.

Но вдруг вы все-таки решите прочитать откровения того, кто прослыл ужасным чудовищем. Вы не позволите предать меня забвению, потому что захотите узнать, каково это — летать на самом невероятном корабле во Вселенной и вырывать сердце у звезды. Захотите ощутить жар двух сожженных цивилизаций и встретиться с драконом, демоном, что носит имя, данное мне отцом.

А значит, давайте отринем политику и строевые марши Империи. Отбросим и историю возникновения человечества в огне и пепле Старой Земли, и покрытое мраком неизвестности появление сельсинов. Это давно записано на всех языках людского рода и подвластных ему рас. Начнем с того, рассказать о чем я имею полное право: с моего рождения.

Я был старшим сыном и наследником Алистера Марло, архонта префектуры Мейдуа, Линонского Мясника и лорда Обителя Дьявола. Дворец из темного камня — не лучшее место для ребенка, но это был мой дом, где я рос среди логофетов и облаченных в доспехи пельтастов¹, служивших моему отцу. Только ему нужен был не ребенок, а наследник его ломтика Империи, продолжатель знатного рода. Отец назвал меня Адрианом — дал древнее имя, не имеющее никакого смысла, кроме памяти о тех героях, что носили его до меня. Имперское имя, подходящее для правителя и преемника.

Опасная штука — имя. Нечто вроде проклятия, обрекающее ответственность ему, а может, скрытый шанс избежать предназначения. Я прожил долго, намного больше, чем способна предложить великим домам пэров генетическая терапия, и получил множество имен. Во время войны меня называли Адрианом Полусмертным и Адрианом Вечным. После войны — Пожирателем Солнца. Для несчастных обитателей Боросево я — мирмидонец Адр. Для джаддианцев — Эл Нероблис. Для сельсинов — Оймн Белу и еще хуже того. Кем я только не был: солдатом и клерком, военачальником и пленным, колдуном и ученым, и чуть ли не рабом.

Но прежде чем стать всем оним, я был сыном.

Для моей матери это были поздние роды. Вместе с отцом она наблюдала со зрительских мест хирургического театра за тем, как меня достают из инкубатора. Схоласты, описывая мое рождение, утверждали, что во рту у малютки был полный набор зубов. Так всегда про-

---

¹ См. Глоссарий.

исходит пополнение в аристократических семьях: не подвергая мать неудобствам, под бдительным оком специалистов из Имперской Высокой коллегии, следящих за тем, чтобы генетические отклонения не обернулись дефектами у младенца и не испортили родовую кровь. Кроме того, традиционный способ деторождения требовал, чтобы мать делила ложе с отцом, чего ни он, ни она не намерены были делать. Как и многие другие нобили, мои родители заключили брак по политической необходимости.

Мать, как я позже выяснил, предпочитала проводить время с женщинами и редко посещала фамильный особняк, встречаясь с супругом лишь на официальных мероприятиях. Отец же полностью отдавался работе. Лорд Алистер Марло был не из тех, кто потакает собственным слабостям. Слабостей у него фактически не было. Его заботили только дела и доброе имя нашего дома.

К моменту моего рождения Крестовый поход бушевал уже три века, если вести отчет со сражения против съельсинов у Крессгарда. Но это случилось в двадцати тысячах световых лет от Империи, где Вуаль открывает проход к рукаву Наугольника. Когда отец с благими намерениями решил объяснить мне всю тяжесть положения, ситуация в целом была спокойной, за исключением того, что раз в десять лет среди плебеев проводился набор в Имперские легионы. От переднего края нас отделяли многие годы полета даже на самом быстром корабле. И, несмотря на тот факт, что съельсины представляли собой наибольшую угрозу, с какой человечеству приходилось сталкиваться со времен гибели Старой Земли, все выглядело не так уж страшно.

Отец почти сразу передал меня на воспитание слугам, чего и следовало ожидать от такого человека. Всего через час после моего рождения он без колебаний вернулся к насущным проблемам, требующим слишком много внимания, чтобы отвлекаться еще и на сына. Мать возвратилась в дом своей матери, в привычное общество сестер и любовниц; как я уже говорил, ее не интересовал скучный семейный бизнес.

Этот бизнес был связан с ураном. Во владениях отца располагалось одно из самых обширных месторождений всего сектора, и наша семья из поколения в поколение занималась его разработкой. Деньги, которые отец получал от консорциума «Вонг-Хоппер» и Союза свободных торговцев, сделали его самым богатым человеком на Делосе, богаче даже наместницы императора — моей бабушки.

Мне было четыре года, когда родился Криспин. Мой младший брат сразу показал себя идеальным наследником, во всяком случае,

по мнению отца. В два года он был таким же большим, как я в свои шесть, а в пять уже стал на голову выше меня. Эту разницу мне так и не удалось наверстать.

Я получил лучшее образование, какое только может быть у сына архонта. Наш кастелян сэр Феликс Мартин был моим наставником в умении сражаться на мечах, обращаться с поясом-щитом, плазменным пистолетом и копьем. Он тренировал меня, не позволяя предаваться праздности. От Элен, нашего мажордома, я усвоил представления об этикете — всех тонкостях, связанных с поклонами, приветствиями и публичными выступлениями. Я научился танцевать, ездить верхом, управлять лодкой и шаттлом. От Абиаты, старого капеллана, заботившегося в святилище о колокольне и алтаре, я перенял не только молитвы, но и скептицизм, поскольку даже священников одолевают сомнения. От его начальника, приора Святой Земной Капеллы, я узнал, как бороться с этими сомнениями, поскольку они ведут к ереси. И конечно, на меня повлияла мать, рассказывавшая всевозможные легенды: о Симеоне Красном, Сиде Артуре и Касии Сулье. Легенды о Кхарне Сагаре. Можете смеяться, но в них таится особая магия, которую нельзя не почувствовать.

А еще был Тор Гибсон — тот, кто преподавал мне первые уроки и сделал меня таким, какой я есть. «Образованность — родная мать глупости, — говорил он. — Помни, что величайшее из знаний — это способность понять собственное невежество». Гибсон постоянно рассуждал в подобном духе. Он преподавал мне риторику, арифметику и историю. Объяснял биологию, механику, астрофизику и философию. Это он изучал со мной языки и привил любовь к слову. К десяти годам я владел мандарийским так же хорошо, как любой ребенок межзвездных корпораций, и мог читать огненные гимны Джадда, как истинный приверженец этой религии. Но самое важное: он рассказал мне о сьельсинах — кровожадной, хищнической расе, ставшей бичом пограничных миров нашей цивилизации. Он открыл для меня очарование ксенобитов и их культуры. И остается только надеяться, что учебники истории не проклянут его за это.

— Выглядишь вполне уверенно, — сказал Тор Гибсон, и его голос прозвучал как порыв сухого ветра в неподвижном воздухе тренировочного зала.

Я выполнял сложный комплекс упражнений на гибкость — медленно раскрутился из одной замысловатой позы и плавно заплелся в другую.

— Скоро придут сэр Феликс и Криспин, — ответил я. — Хочу подготовиться как следует.

Через маленькое арочное окно в каменной стене донесся крик морской птицы, приглушенный защитными экранами.

Старый схоласт с неизменно невозмутимым видом подошел ко мне, шаркая туфлями по мозаичной плитке. Хотя годы и согнули его спину, наставник все еще был выше меня, а грива седых волос и бакенбарды придавали ему некоторое сходство со львами из зверинца императорской наместницы. Его широкое лицо расплылось в улыбку.

— Хочешь посадить младшего мастера на задницу?

— Какую задницу? — усмехнулся я, касаясь в наклоне пальцев ног, и от напряжения мой голос слегка задрожал. — Которая у него между ушей?

Улыбка Гибсона погасла.

— Не стоит так говорить о своем брате.

Я пожал плечами, подтянул ремешок дуэльного колета, чтобы тот плотней прилегал к рубашке, и прошлепал босиком к стойке с учебным оружием. Оно дождалось своего появления в кругу — огороженной, чуть приподнятой над полом деревянной площадке двадцати футов в поперечнике, предназначенной для тренировочных поединков.

— Гибсон, а потом у нас еще будут занятия? Не думаю, что мы здесь допоздна.

— Что? — переспросил он, наклонив голову, и подошел чуть ближе.

Это напомнило мне, что он не молод, хотя по-прежнему легко движется. Он не был молод уже тогда, когда орден назначил его наставником моего отца, чей возраст теперь приближался к тремстам стандартным годам.

Гибсон сложил лодочкой загрубелую ладонь и поднес ее к уху:

— Что ты сказал?

Обернувшись, я выпрямил спину, как меня учили. Со временем я должен быть стать архонтом этого старинного замка, а ораторское искусство всегда оставалось излюбленным оружием палатинов.

— Думаю, мы позанимаемся позже? — повторил я четче.

Он не забыл об уроках. Гибсон никогда ни о чем не забывал — и это качество можно было бы назвать удивительным даром, не будь оно основным требованием для ремесла схоласта. Его специально готовили, чтобы заменить греховные машины, запрещенные указом Святой Земной Капеллы, и он просто не был способен что-то забыть. Он покашлял в рукав изумрудного цвета и посмотрел на камеру-дрона, висевшую под сводчатым потолком.

— Да, Адриан, позже. Я надеялся переговорить с тобой без свидетелей.

Затупленная фехтовальная палка чуть не выскользнула из моей ладони.

— Сейчас?

— Да, пока не пришли твой брат с кастеляном.

Я поставил оружие на место, между рапирами и саблями, избавляя дрон от необходимости приглядывать за мной, поскольку прекрасно знал, что его оптика настроена на меня. Я был старшим сыном архонта и потому находился под такой же защитой — и наблюдением, — как сам отец. В Обители Дьявола были места, где действительно можно укрыться от всех, но не поблизости от тренировочного зала.

— Здесь?

— В клуатре, — сказал Гибсон и на мгновение смутился, посмотрев на мои босые ступни. — Ты без обуви?

Мои ноги не были ногами изнеженного нобилия. Они больше подошли бы крестьянину — у меня были такие грубые мозоли, что я заклеивал пластырем суставы больших пальцев, чтобы не содрать кожу.

— Сэр Феликс сказал, что ходить босиком — это хорошая тренировка.

— Неужели?

— Он объяснил, что так меньше шансов подвернуть лодыжку... — Я осекся, сообразив, что времени в обрез. — Наш разговор... нельзя подождать? Они скоро будут здесь.

— Так уж и быть, — покачал головой Гибсон, разглаживая короткими пальцами мантию и бронзовый пояс.

Рядом с ним я чувствовал себя оборванцем в своем тренировочном костюме, хотя, по правде говоря, его одежда была довольно скромной: обычный зеленый хлопок, но такого яркого оттенка, что казался живой самой листвы.

Старый схоласт хотел еще что-то сказать, но тут двойные двери со стуком распахнулись, и в зал вошел Криспин с волчьей ухмылкой на лице. Мы с братом были абсолютно не похожи: он высокий, а я низкорослый; он крепкого телосложения, а я тонкий, как тростинка; у него широкие скулы, а у меня узкие. Однако при всем этом наше родство нельзя было отрицать. Одинаковые черные как смоль волосы, мраморная кожа, нос с горбинкой, круто изогнутые брови и лиловые глаза. Совершенно очевидно, что мы оба были продуктом одной констелляции и наш геном создавался по одному и тому же шаблону. Палатинские дома — великие и не очень — прилагали неимоверные усилия, чтобы знающие люди могли определить принадлежность к тому или иному знатному дому по наследст-

венным особенностям лица и строения тела с такой же легкостью, как по гербу на одежде или по цветам на знаменах.

Сразу же за Криспином вошел внушительный, как скала, кастелян сэр Феликс Мартин, одетый в кожаный дуэльный камзол с закатанными выше локтя рукавами.

— Ого! — заговорил он первым, подняв руку в перчатке. — Ты уже здесь?

Я вслед за Гибсоном шагнул им навстречу:

— Просто решил разогреться, сэр.

Кастелян, наклонив макушку, поскреб спутанную копну черных с проседью волос.

— Ну что ж, очень хорошо, — одобрил он и, заметив моего учителя, воскликнул: — Тор Гибсон! Странно видеть вас в такой час не в клуатре.

— Я искал Адриана.

— Он вам нужен? — уточнил рыцарь, заложив большие пальцы за ремень. — Мы должны заниматься.

Гибсон быстро покачал головой и согнулся в полупоклоне перед кастеляном:

— Я могу подождать.

С этими словами он вышел. Дверь закрылась за ним с приглушенным «бум», разлетевшимся по сводчатому залу. Криспин сразу спародировал походку ссутулившегося, подавшегося всем корпусом вперед Гибсона. Я свирепо посмотрел на него, и брат был настолько любезен, что изобразил на лице смущение, потирая ладонями угольно-черный ежик волос.

— Щиты на полную мощность? — спросил сэр Феликс и негромко, сухо хлопнул в ладоши. — Очень хорошо.

В легендах почти всегда героев обучает искусству боя какой-нибудь перегревшийся на солнце отшельник, доморощенный мистик, который заставляет учеников гоняться за кошками, чистить повозку или сочинять стихи. Говорят, что в Джадде мастера меча — маэсколы — тоже занимались всем этим, и могли пройти годы, прежде чем им разрешали просто прикоснуться к мечу. Но только не я. Мои занятия с Феликсом Мартином сводились к утомительной, бесконечной муштре. Много часов в день я проводил под его присмотром, обучаясь владеть своим телом. Никакой мистики, только долгие однообразные упражнения, пока атакующие и защитные приемы не станут такими же легкими и естественными, как дыхание. Среди палатинов Соларианской империи — как мужчин, так и женщин — умение владеть оружием считалось одним из главных достоинств

не только потому, что многие стремились получить рыцарское звание или поступить на службу в Имперские легионы, но и потому, что дуэли были прекрасным клапаном, спускающим давление обычаев и предрассудков, которые в противном случае могли вскипеть настоящей вендеттой. Таким образом, от любого отпрыска любого знатного рода можно было ожидать, что рано или поздно он возьмется за оружие, чтобы защитить свою честь и честь своего дома.

— Знаешь, я задолжал тебе с прошлого раза, — сказал Криспин, когда мы закончили разминку и встали лицом к лицу посреди фехтовального круга.

Пухлые губы брата изогнулись в кривую ухмылку, благодаря которой он казался таким же тупым, как и его оружие.

— Тогда нападай первым, — усмехнулся я в ответ, надеясь, что выгляжу при этом не столь самодовольно.

Я поднял меч и принял оборонительную позицию, ожидая сигнала сэра Феликса. Снаружи донесся крик пролетающей низко над замком птицы, от которого задрожали алюминиевые оконные панели, а волосы у меня на голове встали дыбом. Я коснулся рукой пряжки пояса и приготовился активировать энергетический щит. Брат повторил мое движение, положив меч плоской стороной себе на плечо.

— Криспин, что ты делаешь? — резко, будто шелчок кнута, прозвучал в тишине голос кастеляна.

— А что?

Как всякий хороший педагог, сэр Феликс решил подождать, пока воспитанник сам поймет свою ошибку. Этого так и не случилось, и он ударил Криспина тренировочным мечом. Мой брат вскрикнул и устоялся на учителя.

— Если ты, мальчик, вот так положишь себе на плечо не этот меч, а настоящий, из высшей материи, то останешься без руки, — строго сказал кастелян. — Держи лезвие подальше от себя. Сколько можно повторять?

Я подправил свою защиту.

— Из высшей материи... я этого не забуду, — смущенно ответил Криспин.

Он сказал правду. Мой брат вовсе не был дураком. Но для человека, которому предсказывали громкую славу, ему недоставало серьезности.

— А теперь послушайте меня оба, — рявкнул Феликс, пресекая речь Криспина. — Ваш отец отдаст меня катарам, если я не сделаю из вас первоклассных бойцов. Вы дьявольски способные ребята, но «способный» еще не означает, что от вас будет толк в настоящей

схватке. Тебе, Криспин, нужно подтянуть технику. При каждом движении ты открываешься для ответного удара. А ты... — он показал тренировочным мечом на меня, — у тебя, Адриан, техника хорошая, но не хватает решительности. Ты оставляешь противнику слишком много времени, чтобы восстановить силы.

Я принял его критику без всяких возражений.

— *En garde!*¹ — сказал учитель, держа свой меч плашмя между нами. — Щиты!

Мы надавили пальцами на пряжки, активируя защиту. Энергетическая завеса ничего не меняет в том, что связано с поединком на мечах или борьбой без оружия, но привыкнуть к тем слабым искажениям света, что вызывает эта прозрачная мембрана, очень полезно. Поле Ройса без труда отклоняет высокоскоростные воздействия; оно способно остановить пулю, задержать плазменный разряд, рассеять электрический импульс нейронного дисраптора. Но ничем не поможет против меча.

Феликс опустил клинок, словно палач... которым он когда-то и был.

— Начали!

Криспин разорвал дистанцию и замахнулся мечом, вкладывая в удар всю силу рук и плеч. Я посмотрел на этот взрыв, случившийся на расстоянии в световой год от меня, и поднырнул под свистнувший над головой клинок. Развернувшись, я снова принял стойку справа от Криспина, в превосходной позиции для атаки в незащищенный бок и спину. Вместо этого я просто оттолкнул его.

— Стоп! — гаркнул наставник. — Адриан, у тебя был отличный шанс!

Так мы продолжали, казалось, час за часом, прерываясь лишь для того, чтобы выслушать ругань сэра Феликса. Криспин сражался как ураган, ударяя то сверху, то сбоку, прекрасно зная, что превосходит меня и в силе, и в длине рук. Каждый раз я перехватывал его меч своим и отскакивал на край круга. Я всегда благодарил судьбу за то, что первым моим спарринг-партнером был Криспин. Он шел вперед, словно грузовая платформа, словно комбайн-дрон, сметающий огромными ручищами все подряд. Его рост и сила прекрасно подготовили меня к поединкам со сельсинами, самый маленький из которых был почти двухметрового роста.

Криспин пытался прижать мой клинок к полу, чтобы выгадать время для удара по ребрам. Однажды я уже попался на эту уловку — и почувствовал, как под колетом расцветает синяк. Мои ноги

---

¹ В боевую стойку! (*фр.*).

шаркнули прочь, и Криспин пролетел мимо. Вложив все силы в атаку, он поскользнулся, и я свободной рукой шлепнул его по уху. Он пошатнулся, а я ударил его уже мечом.

— Очень хорошо, — хлопнул в ладоши Феликс, приказывая нам остановиться. — Без обычной концентрации, но ты действительно достал его.

— Два раза, — сказал Криспин, потирая ухо. — Дьявол, как больно.

Я протянул ему руку, чтобы помочь подняться, но он оттолкнул ее и со стоном выпрямился сам.

Феликс предоставил нам мгновение передышки, а затемскомандовал снова занять позиции:

— Начали!

Его клинок шелкнул по деревянному полу, и мы рванулись в схватку. В момент атаки Криспина я ушел вправо и парировал его удар. Брат промелькнул мимо меня. Я попытался ударить его в спину, но опоздал. Феликс недовольно выдохнул сквозь зубы.

Криспин стремительно развернулся, и его клинок по широкой дуге полетел ко мне. Я ожидал этого и успел отскочить — опустив меч, сделал выпад. Криспин отбил мое нападение и нацелился мне в правое плечо. Восстановив равновесие, я вывернул кисть и зацепил его меч своим. Он крепко держал оружие, но изогнулся и открыл спину.

— Какого дьявола, Криспин! — побагровел от огорчения кастелян. — Что ты опять делаешь?

Мощный возглас сэра Феликса заставил Криспина остановиться, а я звучно треснул его по животу. Мой противник охнул и свирепо посмотрел на меня из-под бровей.

Рыцарь-кастелян шагнул в круг, не отводя мрачного взгляда от моего брата:

— Какую часть фразы «нужно подтянуть технику» ты не понял?

— Вы отвлекли меня! — сорвался на визг Криспин. — Я сопротивлялся.

— У тебя был меч! У тебя была свободная рука! — Сэр Феликс покачал перед собой раскрытой ладонью. — Давайте еще раз.

Криспин отпрыгнул к стартовой линии, подняв оружие обеими руками. Я отклонился вправо и выставил меч, чтобы отбить размашистый удар брата. Развернувшись, я атаковал его со спины, но Криспин успел заблокировать мой ответный выпад и оскалил зубы. Глаза его горели яростью. Он отбросил мой клинок в сторону, прыгнул и протаранил меня плечом, пытаясь сбить с ног и вышвырнуть из круга. Я упал на пол и ударился спиной так, что перехватило

дыхание. Криспин возвышался надо мной — шесть футов разъяренных мышц, облаченных в черное.

— Тебе повезло, брат.

Его пухлые губы снова дернулись в усмешке. Он пнул меня в ребра, и я скривился от боли, жадно ловя воздух ртом. Мне было не до того, чтобы слушать разглагольствования брата, как я ни за что не достал бы его, если бы дрался честно. Возможно, сэр Феликс и ответил ему, но я не расслышал. Криспин замолчал и повернулся, чтобы уйти. Я зацепил ногой его лодыжку и дернул на себя. Он упал и ударился лицом о край круга. В одну секунду я вскочил и поднял с пола меч. Поставил босую ступню на спину Криспина и ткнул концом клинка ему в висок.

— Достаточно! — крикнул сэр Феликс. — Давайте еще раз.

Глава 2

КАК ДАЛЕКИЙ ГРОМ

Узкие окна кельи Гибсона были раскрыты. Во дворе, двенадцатью этажами ниже, слуги ухаживали за садом камней. Белый солнечный свет проникал через яичную скорлупу неба, отбрасывая яркие блики на беспорядок в комнате. Полки вдоль стен были забиты книгами до отказа, так что те сыпались, словно снег, на гору других книг. На полках стояли также подставки для информационных кристаллов и кассет с микрофильмами, но и тех и других было в сотни раз меньше, чем книг.

Схоласт читал.

Из-за древней ереси схоластам был запрещен доступ даже к тому ограниченному кругу технологий, которыми Святая Земная Капелла позволяла пользоваться знатным имперским домам. Исключение делалось лишь для умственных изысканий, и потому книги, хранившие мысли, как янтарь попавшую в смолу муху, были величайшим сокровищем. Так и жил Гибсон — сутулый старик в потертом кресле, выставленном под солнечный свет. Мне он казался магусом из древних сказок, словно тень, отброшенная через века самим Мерлином. Это знания, а вовсе не прошедшие годы сторбили его спину. Он был для меня не столько наставником, сколько представителем старинного ордена жрецов философии, уходящего корнями во времена основания Империи или даже еще дальше, к повелителям машин мерикани, вымершим шесть тысяч лет назад. Схоласты были советниками императоров, они летали к темным областям, располо-

женным вне досягаемости света звезд, и к странным планетам. Они были частью той силы, что дарила людям изобретения и открытия, и обладали памятью и знаниями, непостижимыми для обычного человека.

Я хотел быть одним из них, таким как Симеон Красный. Хотел получить ответы на свои вопросы и доступ ко всевозможным секретам, поэтому и попросил Гибсона обучить меня языку сьельсинов. Звездам нет числа, но я был уверен, что этот старик может назвать каждую из них по имени. Я чувствовал, что если пойду вслед за ним по пути схоласта, то узнаю все тайны, скрытые за этими звездами, побываю там, куда не дотянутся даже руки моего отца.

Из-за слабого слуха Гибсон не заметил моего прихода и вздрогнул, когда я кашлянул за его плечом.

— Адриан! Кости Земли, и давно ты здесь, приятель?

Памятуя о том, что стою перед своим наставником, я исполнил полупоклон, который мне когда-то показал учитель танцев.

— Всего одно мгновение, мессир. Вы хотели меня видеть?

— Что? Ах да, да...

Гибсон перевел взгляд на дверь, убедился, что она закрылась после моего появления, и уткнулся подбородком себе в грудь. Я знал, что это за жест: глубоко въевшаяся в сознание паранойя дворцового должителя, импульсивное желание проверить, нет ли поблизости камер-дронов и жучков. Им нечего было делать в клуатре схоластов, но никто не мог быть полностью в этом уверен. Уединение и тайна личной жизни — вот истинное богатство нобилей. Как редко это удается осуществить и как высоко ценится! Гибсон покосился на фиксатор дверной ручки и перешел со стандартного галактического на лотрианский язык, которого, как ему было известно, не понимал ни один слуга в замке.

— Об этом нельзя говорить. Таков приказ. Запрещено, понятно?

Эти слова заинтриговали меня, и я присел на низкий табурет, убрав с него стопку книг.

— Здесь беспорядок, — сказал я, подстраиваясь под лотрианский наставника.

— Нет прямой связи между беспорядком на рабочем месте и беспорядком в голове.

Схоласт отбросил со лба непослушные седые волосы, но пряди снова упали на лицо.

— Разве чистоплотность не сродни праведности? — спросил я, изо всех сил пытаясь справиться со странностями чужого языка.

Лотрианский не имел личных местоимений и вообще не распознавал отдельные личности. Я слышал, что у этого народа нет даже имен.

— Дерзить изволите? — фыркнул старик и, тихо кашлянув, почесал бакенбарды. — Хорошо, хватит об этом. Есть неожиданная новость. Получена вчера ночью и еще не объявлена.

Он глубоко втянул воздух и продолжил сдержанным тоном:

— Делегация консорциума «Вонг-Хоппер» будет здесь не позднее чем через неделю.

— Через неделю?

Я был так потрясен, что на мгновение забыл о лотрианском и сказал:

— Почему я ничего об этом не слышал?

Схоласт строго посмотрел на меня поверх крючковатого носа и ответил на лотрианском:

— КТ-волна пришла несколько месяцев назад. Консорциум отменил все обычные торговые рейсы ради этого перелета.

То, что он сказал дальше, не было никак подготовлено, не было смягчено:

— Цай-Шэнь атакована. Уничтожена сельсинами.

— Что? — вырвалось у меня на галстани, но я опомнился и повторил на лотрианском: — Iuge?

Гибсон просто разглядывал меня, словно я был амебой в магической чашке Петри.

— Флот консорциума получил сообщение с Цай-Шэнь незадолго до того, как планета погибла.

Не правда ли, странно, насколько бесстрастно и отстраненно воспринимаем мы величайшие катастрофы в истории — как далекий гром. Описание одной-единственной смерти древнего короля становится трагедией, а геноцид можно понять только с помощью статистики. Я никогда не покидал свой родной Делос, никогда не видел Цай-Шэнь. Для меня это было всего лишь название. В словах Гибсона содержался груз миллионов смертей, но ни одна из них не легла на мои плечи. Возможно, вы решите, что я чудовище, но мои молитвы и мои действия не могли воскресить этих людей или погасить пламя, поглотившее их планету. Точно так же, как не могли исцелить мужчин и женщин, искалеченных Капеллой. Какой бы силой я ни обладал как сын своего отца, она простиралась лишь настолько, насколько мне было позволено. Я встретил новость без траурных речей, и первоначальный шок сменился безучастным принятием факта.

В глубине моей души проснулось что-то холодное и расчетливое, и я сказал:

— Они прилетят за новыми запасами урана.

Заговорил совсем как отец.

Призрачная улыбка на лице схоласта подтвердила мою правоту еще до того, как он сам это признал.

— Очень хорошо!

— Ну а что еще это может значить?

Гибсон шумно заерзал в кресле, кряхтя и словно бы жалуясь на жизнь.

— С уничтожением Цай-Шэнь дом Марло становится крупнейшим лицензированным поставщиком урана во всем секторе.

Я сглотнул слюну и подпер рукой подбородок:

— Значит, они хотят заключить сделку? На шахты?

Гибсон не успел сформулировать ответ, как у меня в голове возник еще более мрачный вопрос, который я не смог бы задать на лотрианском и поэтому прошептал:

— Почему мне не сказали об этом?

Схоласт не ответил, но я вспомнил его первые слова и выдохнул:

— Приказ.

— Да, — кивнул он, пытаясь снова втянуть меня в разговор на лотрианском.

— Именно мне? — Я резко выпрямился. — Он приказал не говорить именно мне?

— Нам было велено не сообщать новость никому, кроме тех, кто имеет допуск службы пропаганды, или по личному разрешению архонта.

Я встал и, позабыв обо всем, продолжил на галстани:

— Но, Гибсон, я ведь его наследник. Он не должен... — Я заппнулся, поймав на себе разгневанный взгляд наставника, и вернулся к лотрианскому: — Такое нельзя скрывать.

— Не знаю, что сказать тебе на это. Честное слово, мой мальчик, не знаю, — плавно перешел он на джаджианский, оглянувшись на окно, за которым мимо витражных стекол проходили по лесам строительные рабочие.

Если бы я вытянул шею, то смог бы увидеть за крепостной стеной серые просторы Океана Аполлона, простирающиеся на восток до самого изгиба мира.

— Продолжай вести себя так, будто ничего не слышал, а сам готовься. Ты ведь понимаешь, на что будет похожа эта встреча.

Нахмурившись, я втянул одну щеку и вслед за Гибсоном перешел на другой язык:

— А как насчет сельсинов? Это точно было их нападение?

— Я сам видел запись атаки. Консорциум передал последний пакет новостей с Цай-Шэнь той же волной, в которой информировал о своем визите. Твой отец вызвал меня и Алкуина, и мы вместе с ло-

гофетом всю ночь просматривали сообщение. Это съельсины, ошибки быть не может.

Мы долго сидели неподвижно.

— Но Цай-Шэнь находится не в Вуали, — сказал я наконец, упомянув фронтир за рукавом Центавра, в котором велась львиная доля боевых действий против съельсинов.

Я опустил взгляд и добавил:

— Они совсем обнаглели.

— По последним сведениям, война идет не лучшим образом, ты же знаешь.

Гибсон отвел от меня затуманенные слезами глаза и уставился в окно на стилизованные под старину зубцы декоративной стены, окружающей наш замок. Слуга все еще протирал стекла снаружи.

Опять наступило молчание, и опять я первым нарушил его:

— Как вы думаете, они прилетят и сюда?

— На Делос? В Шпору? — Гибсон выразительно нахмурил кустистые брови. — Это же почти двести тысяч световых лет от линии фронта. Я бы сказал, что до сих пор мы были в полной безопасности.

Я задал еще один вопрос, на джаджианском:

— Но почему отец приказал скрыть эти новости от меня? Как я буду управлять префектурой после него, если он не хочет обучать меня сейчас?

Мой наставник не сказал на это ни слова, и, поскольку юности несвойственно прислушиваться к тишине, я не понял его молчания, не понял, что это и есть ответ.

Под тяжестью вопроса, от которого уже нельзя отмахнуться, я пошел напролом:

— А Криспин знает о консорциуме?

Гибсон сочувственно посмотрел мне в глаза. И кивнул.

Глава 3

КОНСОРЦИУМ

Ко дню прибытия консорциума замок уже не мог скрывать признаки подготовки. «Вонг-Хоппер», «Межзвездная компания Ямато», «Ротсбанк» и Союз свободных торговцев — деятельность этих корпораций выходила за пределы Империи и связывала воедино всю человеческую цивилизацию. Даже в отдаленном Джадде сатра-

пам и князьям приходилось считаться с требованиями индустриальных гигантов, а мой отец был всего лишь скромным лордом. Каждый камень и каждую плитку в черном замке, который я называл своим домом, вычистили до блеска, униформа всех слуг и пельтастов из стражи приняла безупречный вид. Все необходимое было сделано: кусты в саду пострижены, портьеры выбиты, полы натерты, солдаты вымуштрованы, комнаты для гостей приведены в идеальный порядок. Примечательно, что меня отстранили от всей этой суеты.

— У нас просто нет необходимого оборудования, ваша милость, — рассказывала представительница Гильдии шахтеров Лена Бейлем; она положила руки на стол, и ее вишневые ногти сверкали в падающем сверху красноватом свете. — Очистительная установка на Красном Зубце нуждается в срочном ремонте, и если не обращать внимания на меры безопасности, к моменту окончания договора смертность среди рабочих поднимется выше пяти процентов.

Из ее анкеты я узнал, что она вдвое старше меня, почти на верхнем пределе стандартного сорокалетнего срока. Она казалась очень старой. Ее плебейская кровь, не улучшенная Высокой коллегией, проявляла себя в седине, тронувшей золотистые волосы, в морщинах в уголках губ и глаз, в дряблой коже на скулах. Время уже взяло свое, хотя ее возраст казался младенческим в сравнении с теми столетиями, что были суждены мне.

Должно быть, я слишком пристально смотрел на нее или слишком долго молчал, потому что она вдруг прервала объяснения и сказала:

— Простите, мне, вероятно, следовало обратиться с этим делом к вашему отцу.

Я покачал головой и бросил взгляд в зеркало за ее спиной. В нем отражались пельтасты в черных доспехах, ожидавшие меня возле серой металлической двери. Они опирались на длинные, выше их роста, древки энергетических копий. Их молчаливое присутствие давило на меня, и все, что я смог сделать, это удержаться от кривой усмешки.

— Мой отец безнадежно задерживается, мадам Бейлем, но я буду счастлив выслушать все, что вас беспокоит. Но если вы предпочтете подождать, я лично могу рассказать ему о ваших проблемах.

Представитель гильдии прищурила карие глаза:

— Этого недостаточно.

— Простите?

— Нужны деньги, чтобы купить новую технику!